

Ф. ТЁННИС
ОБЩНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

I

Социология – это исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обуславливает социальное. Таким образом, мы хотим познать и изучить не только те умонастроения и движущие силы, которые соединяют одних людей с другими, удерживают их вместе, побуждают или стимулируют их к совместным действиям и взаимодействию, но и, прежде всего, возникающие вследствие этого продукты человеческого мышления, необходимые для сохранения и поддержания общей сущности (*gemeinsames Wesen*). Последние находят свое завершение в таких важных формах, как община (*Gemeinde*), государство, церковь, часто принимаемых за элементы действительности, а иногда и за нечто сверхъестественное.

“*Nosce te ipsum*” – если хочешь познать другого, загляни в свою собственную душу. Каждый из нас живет во множестве связей и отношений с другими людьми – непосредственных и опосредованных. Каждый из нас знает много людей, но мало – по сравнению с их общим числом. Как же я знаю других людей?

Прежде чем рассмотреть этот вопрос, проведем сначала некоторые различия. Главным среди четырех различий в отношении окружающих нас людей я считаю различие между *знанием* (*Kenntnis*) и *незнанием* (*Nichtkennen*), знакомостью (*Kenntnis*) и чуждостью (*Fremdheit*).

1. Знакомость и чуждость

Вряд ли стоит подробно объяснять, насколько велико значение этого различия, скажем о нем лишь вкратце. В чужом городе, в толпе чужих людей вы случайно встречаете знакомого, может быть, даже “хорошего знакомого” или просто старого знакомого. Как правило, это – радостное переживание. Сразу возникает желание вступить с ним в разговор, которое с чужим человеком мы испытываем редко, – ведь часто это смутное, слабое желание отбивается у нас необходимостью говорить на чужом языке. Если встреченный человек известен вам в результате шапочного знакомства, то, наверное, в

¹ Перевод выполнен по изданию: *Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft // Handwörterbuch der Soziologie / Hrsg. von Alfred Vierkandt. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1959 (unveränderter Neudruck), S. 180-191.*

первый раз (он может оказаться и последним) вы поздороваетесь с ним за руку. Причем, знакомый может быть в других отношениях – кроме того, что однажды вы с ним уже встречались и обменивались несколькими словами, или знаете его по некоторым качествам, которые сближают вас, например, как коллегу по профессии или специальности, – итак, в других отношениях он может быть вам совершенно чужим человеком, в частности, принадлежать к другой нации и говорить на другом языке: все равно он – знакомый, даже если вы с трудом объясняетесь и плохо друг друга понимаете. Наш язык тонко улавливает разницу между знакомым (*Bekannte*) и тем, кого мы просто знаем (*Gekannte*). Знакомый – мой знакомый – знает и меня; тот, кого я просто знаю, скорее всего меня не знает или, по крайней мере, не всегда. Человека высокого – как в естественном, так и в духовном смысле – видят и знают многие, однако он их не видит и не знает, а иногда и не хочет знать. Человек, которого я просто знаю, не помнит меня; но даже если и помнит, то может ничего обо мне не знать. Либо он ко мне равнодушен, либо я ему неприятен. Знакомых же, наоборот, некоторые зачисляют в “друзья” – свидетельство поверхностного образа мыслей или способа выразиться, хотя для знакомства и характерна легкая тенденция к обоюдному приятию, как для чуждости – к обоюдному неприятию: всего лишь тенденция, но тенденции важны.

2. Симпатия и антипатия

Ни простое знание человека, ни знакомство с ним еще не означают, что мы ему “желаем зла” или, наоборот, он нам “нравится” и мы его любим (что бывает намного реже). Тех, кто нам симпатичен, и тех, к кому мы питаем антипатию, разделяет огромная дистанция. И симпатия, и антипатия – это эмоции, хотя иногда их называют инстинктами, принимая за нечто недочеловеческое; на самом деле, они часто связаны с высшими, благородными, специфическими для человека чувствами, а нередко и происходят из таких чувств, а, следовательно, из всего того, что мы думаем и знаем. Как уже говорилось, существует известная, имеющая определенное значение взаимосвязь между знакомостью и симпатией – чуждостью и антипатией. Чем более симпатия и антипатия инстинктивны, тем в большей степени они зависят от внешних явлений, особенно у женщин; это относится прежде всего к чувствам, возникающим из того впечатления, которое производит на них мужчина – впечатления от его фигуры, внешнего облика и выражения лица, от того, как он одет, ведет себя, говорит, какие у него манеры, наконец, от того, как звучит его голос. Нередко и мужчины влюбляются в женщин с первого взгляда: на одних производят впечатление красивые формы, для других решающим является прелестный облик, для третьих – просто выражение глаз или смелая речь, а для кого-то – изысканное платье или роскошная шляпа. Однако с непосредственной инстинктивной симпатией или антипатией может вступить в противоречие опыт знакомства с чужими людьми. При этом исходит из того, что тот, кто сначала произвел неблагоприятное впечатление, потом может оказаться очень милым человеком, интересным, а то и весьма

привлекательным; бывает, что у женщин и девушек возникает страстное влечение к мужчине, который вначале был им неприятен, как, например, Ричард III – овдовевшей королеве. Другой вопрос – может ли вырасти из этого долгая верная *любовь*, а тем более любовь навеки. Нередко первое впечатление, подтверждаемое последующим горьким опытом, оказывается все-таки верным. Но и противоположная ситуация – дело почти будничное: первое прекрасное впечатление, благоприятнейшее предубеждение при более близком знакомстве рассеиваются как иллюзии, и мы в сердцах попрекаем себя, что так легко дали ввести себя в заблуждение внешним блеском.

Но большое число людей – не только незнакомые, чужие, но и те, кого мы знаем, и, может быть, даже слишком хорошо – не вызывают в нас никаких чувств, оставляют нас равнодушными. Правда, равнодушие не всегда неподвижно, оно легко склоняется в ту или иную сторону. У симпатии и антипатии много градаций, тем более если принять во внимание (упомянутые выше) разумные, то есть имеющие основание в нашем мыслящем сознании, симпатию и антипатию. Часто мы питаем известную, хотя, возможно, и малую, долю симпатии ко всем, кто на нашей стороне, в нашем лагере, независимо от того, знакомы ли мы уже с ними или только знакомимся, – к участникам спора, приятелям, землякам или тем, с кем у нас одна малая родина, к коллегам по профессии, к единоверцам или товарищам по партии, к партнерам по работе; некоторая, как правило, слабая, симпатия – что в значительной степени обусловлено богатством жизненного опыта – возникает уже благодаря принадлежности к одному и тому же сословию, например, дворянству, или к одному и тому же классу – имущему или неимущему. И наоборот, точно так же возникает и существует антипатия по отношению ко всем, кто борется в другом лагере; нередко эта антипатия перерастает в ненависть – в особенности, когда речь идет о настоящей борьбе, в то время как в иных случаях антипатия выражается лишь в большом равнодушии, за счет чего ослабевает, так что при наличии других мотивов и более близком знакомстве она может снова легко перейти в искреннюю симпатию. С другой стороны, достаточно наличия общих или хотя бы близких *интересов*, осознаваемых как таковые, чтобы пробудить взаимную симпатию, – и наличия противоположных, чтобы вызвать антипатию. Например, иногда большое число людей имеют и ощущают общий интерес как потребители, питая вследствие этого легкую симпатию по отношению друг к другу. Их интерес противоположен интересам производителя и торговца, поэтому они устаивают их антипатией, которая более искренна, чем их взаимная симпатия.

3. Доверие и недоверие

Третье различие, на которое я хочу обратить внимание, – это то, доверяем ли мы другим людям или не доверяем. К знакомому нам человеку мы испытываем определенное доверие, чаще всего слабое, к чужому – определенное недоверие, чаще всего сильное. Как правило, доверие легко и быстро возникает из симпатии, но зачастую в этом так же легко и порой совсем неожиданно приходится раскаиваться, в то время как антипатия пробуждает

недоверие или по крайней мере усиливает и питает его, что нередко также лишено оснований. Но сколько и здесь градаций! Лишь немногих избранных мы жалуем большим и глубоким доверием, полагаясь на них, как на “каменную стену”, – на их безусловную честность, расположение и верность по отношению к нам; причем, как известно, эти немногие далеко не всегда “такие, как мы” и поэтому не могут претендовать на ту симпатию, которую обычно мы питаем к людям того же класса, того же сословия. Преданный слуга, верная подруга – это не только литературно-поэтические образы, хотя в более простой, сельской среде люди, о которых так можно сказать, попадаются намного чаще, чем в современной². Обманутое доверие – поучительный, горький опыт, зачастую приводящий в отчаяние. Но и недоверие может превратиться в доверие, как и обманутое доверие – помимо того, что вызывает досаду, гнев, ожесточение – прямо переходит в недоверие, легко переносимое на других, на тех, кому мы иначе доверяли бы. К доверию или недоверию ведет не только собственный, но и чужой опыт, то есть авторитет, репутация личности как заслуживающей доверия или сомнительной, “общение с которой требует осторожности”. Но с другой стороны, доверие в значительной степени овеществляется самим общением, так что часто речь идет вовсе не о личности, а о ее “состоянии”, принимаемом в расчет на том основании, что-де собственные интересы делового человека, который в личностном отношении, может быть, и не достоин большого доверия, заставят его платить по долгам, пока он в состоянии это делать: способность заслуживать доверие исчезает, становясь кредитоспособностью. Последняя, как правило, – атрибут фирмы: она либо надежна, либо считается таковой, независимо от моральных качеств владельца или руководителя, которые – благодаря доверию, вложенному в кредит, – часто продолжают оценивать высоко даже тогда, когда есть веские причины думать иначе. Так доверие к личностным качествам смешивают с доверием к кредитоспособности личности или фирмы. Многим людям мы безотчетно доверяем, исходя из самого поверхностного знания о них, будучи с ними толком не знакомы, совершенно ничего о них не зная, кроме того, что они находятся в данном месте и занимают данный пост – все это тоже овеществленное доверие. Если личное доверие всегда существенно обусловлено личностью доверяющего – его умом и в особенности знанием людей, то есть опытом, на котором это знание основано, так что в общем человек простодушный и неопытный легковерен, ибо склонен к доверчивости, умный же и опытный верит с трудом, ибо склонен к сомнению, – то это различие почти полностью стирается при овеществленном доверии. Мы не знаем машиниста поезда, на котором едем, капитана и штурмана корабля, на котором плывем, в большинстве случаев мы не знаем врача, с которым не только консультируемся, но которому доверяем наши тело и жизнь при хирургическом вмешательстве; зачастую мы не знаем адвоката, которому поручаем вести наше дело, а тем более судью, который

² Под “современной средой” Тённис подразумевает городскую, урбанизированную среду. – *Прим. перев.*

принимает решение в нашу или не в нашу пользу и от которого мы, тая надежду, ждем помощи в восстановлении наших прав и нашей чести. Во всех этих случаях мы полагаемся на то, что человек, пользующийся нашим доверием, 1) может и 2) хочет нам помочь. Что касается “может”, то у нас есть основания доверять ему, а) потому что это его профессия – кто позволил бы ему называться врачом, адвокатом или судьей, если бы он не был врачом, адвокатом или судьей? – ведь сапожник, слесарь, портной, как правило, владеют своим ремеслом. Чем серьезнее наши дела, тем больше мы доверяем б) экзаменам, в) опыту, г) репутации, д) личным советам или рекомендациям, открывшим данному мужчине или данной женщине двери в профессиональную деятельность и позволившим занять им этот пост. Правда, чаще всего, как, например, в случае с машинистом и капитаном, речь идет только о б) и г). Что касается “хочет”, то мы полагаемся, во-первых, на обычные моральные качества и то, что, если бы человек, пользующийся нашим доверием, не обладал бы их минимумом, то вряд ли бы смог стать тем, кто он есть. Во-вторых, с этим тесно связаны и его собственные интересы – как материальные, так и идеальные, причем в большинстве случаев они слиты воедино. Но мы легко заметим, что в основе нашего спокойствия, чувства безопасности а, следовательно, и приводимых нами аргументов лежит кое-что еще, о чем мы, правда, реже всего задумываемся, а именно доверие к регулярному и надежному, хотя и весьма различному функционированию трех больших систем социального воления, называемых мной порядком, правом и моралью, причем две последние системы – правовой и нравственный порядки – суть развитые, сложившиеся формы первой.

4. Связанность

А теперь я перехожу к четвертому различию, неотделимому от первых трех, отчасти уже содержащемуся в них, а именно к тому, “связан” ли я как-то с другими людьми или свободен от них. Соединение, связывание (Bindung) противоположно свободе, оно означает обязывание, долженствование, недозволение; и здесь перед нами открывается большое многообразие соединений, возникающих посредством связанностей (Verbundensein) различного рода, которые мы называем также видами социальных сущностей (Wesenheiten) или форм (Gestalten), объединяющих человека с другими людьми. Человек связан с другими людьми постольку, поскольку знает, что он с ними связан; он знает об этом или в большей степени чувственно, или в большей степени мысленно; отсюда возникают чувство или ясное сознание обязательности, должности, непозволительности и справедливое отвращение от последствий неправильного, противоправного, противозаконного и вообще неправомерного и, наконец, не-нравственного и не-приличного действия и поведения.

Связанность – это образное выражение для того, как следует понимать все социальные связи вообще, не в их собственном смысле. Тот факт, что человеческое существо привязано к другому, может свидетельствовать о состоянии его полной зависимости – тоже образное выражение, которое

означает, что оно либо лишено собственной воли, либо не может ее иметь, будучи зависимо во всех своих желаниях от воли другого существа. Зависимость младенца и (с постепенным убыванием) маленького ребенка от матери и других людей, заботящихся о нем, как мать, – очевидный факт такого рода. Есть и другие подобные формы зависимости, при которой радости и горести одного человека зависят в большей степени от воли другого, чем от собственной. В чистом виде это выражается в кабале, рабстве и т.п., а самым зримым и грубым образом – в физическом сковывании, практиковавшемся во всевозможных формах по отношению к рабам и до сих пор применяющемся при перевозке тех, кто совершил тяжелые преступления. В том же смысле мы говорим о неспособности действовать по собственной воле, причиной которой может быть собственное полное безволие, о людях под гипнозом, о половой зависимости и т.п.

5. Социальная связанность

Социальная связанность стремится стать *взаимной* зависимостью, что означает следующее: воля одного влияет на волю другого, стимулируя или сковывая ее или делая и то, и другое; если же воля одного совпадает, соединяется или смешивается с волей другого, то возникает общее воление (*gemeinsames Wollen*), которое может быть понято как единая воля, потому что она взаимна, – ведь она полагает и требует, а стало быть, хочет волю А, соответствующую Б, и волю Б, соответствующую А. Это простейший случай проявления социальной воли (*sozialer Wille*) двух индивидов (в дальнейшем мы будем называть их личностями) в том, что касается воления и деяния каждого из них по отношению к другому и, следовательно, обоим друг для друга. И точно так же, как одна личность связана с другой личностью, она может быть связана со многими личностями, а те, в свою очередь, – друг с другом, так что воля каждой отдельной личности, входящей в это множество, является частью совокупной воли (*Gesamtwille*) и в то же время определяется совокупной волей, зависит от нее. Совокупная воля может выражаться в различных формах – уже хотя бы потому, что разным, большим или меньшим, бывает число тех, кто в ней участвует, и потому, что есть разные виды ее наличного существования, то есть выражения и проявления. Так, например, она может быть дана в сознании отдельной личности или еще только осознаваться ею множеством различных способов. Она может неопределенно долго оставаться неизменной, но время от времени может и меняться в определенных обновляющих ее актах; она может воздействовать на зависимые от нее личности непосредственно или опосредованно, а именно через общую волю (*gemeinsamer Wille*) более узкого круга личностей, а на последние – через еще более узкий круг. Каждый человек может представлять себя в отдельной естественной личности (*natürliche Person*) или во множестве таких личностей, общая воля которых мыслится как представляющая другие пласты общей воли. Каждой связанной воле (*verbundener Wille*) может быть дано не только особое имя, но и имя субъекта, символизирующего связанное множество или массу, – субъекта, представляемого и мыслимого личностями-

ми, входящими в их состав, в виде отдельной личности, следовательно, как коллективная личность (Kollektivperson), от которой зависят либо другие коллективные личности, либо в самом простом случае естественные личности, связанные друг с другом через сознание своей зависимости друг от друга и за счет этого – от коллективной личности; ибо последняя в самом простом случае является ни чем иным, как их собственной связанностью или единством. В этом смысле надо понимать и наше дальнейшее изложение: в нем встречаются имена, взятые из обычного языка, где они утвердились давно, хотя и без надлежащего усмотрения их естественной сущности и прежде всего без ясного и осознанного различения смысла, указывающего только на их внешнее явление или их значимость как группы, массы, компании и т.п., – и смысла, вкладываемого в них научной категоризацией, согласно которой они должны мыслиться как субъекты и носители связанной или социальной воли, другими словами – как социальные сущности или формы. Отсюда нетрудно вывести, что последние однородны, но различны по своему содержанию и форме. А именно, однородны они потому, что содержат социальную волю, которая определяет взаимодействующие индивидуальные воли, отчасти предоставляя права, отчасти возлагая обязанности и утверждая право одной личности в качестве обязанности другой. Различны же они потому, что свое завершение находят в представлении о некоей мыслимой (искусственной) *социальной личности (soziale Person)*, противопоставляемой как личность-коллектив (Kollektiv-Person) отдельным личностям, прежде всего индивидуальным, но также и всевозможным нижестоящим личностям-коллективам. Даже в самом простом случае для каждой участвующей личности существует *долженствование*, данное через посредство либо другой воли, либо своей собственной, либо связанной.

II

Обмен как простейший случай социальной связанности

1. Многообразные способы связанности легче всего понять, соотнеся их с простейшим и одновременно рациональным типом, а именно со случаем простого обмена или взаимного связывания обещаниями, которые могут быть поняты как продленный обмен. Последний потому так характерен и ясен, что в простейшем случае обмена речь идет о двух отдельных предметах, не имеющих между собой ничего общего, кроме того, что каждый является средством по отношению к другому (как цели), каждый полезен и, стало быть, имеет ценность только как средство для достижения другого.

Но если всякую взаимную деятельность и всякое взаимное содействие понимать как обмен, то, очевидно, что любая совместная жизнь (Zusammenleben) также есть непрерывный обмен взаимной деятельностью и взаимным содействием – и тем в большей мере, чем эта совместная жизнь интимней; одновременно становится явным различие между тем, когда существенный мотив каждой стороны (в наиболее простом случае там, где мыслятся две личности) – не ожидание и требование деятельности от другого

или ожидание, требование, принуждение через посредство других (а равно ожидание и требование от совокупности, связывающей данного индивида, то есть соединяющей его с другими и необходимо представляющей место другого), но собственное желание и хотение на пользу другого, других или целого множества, даже если это желание и это хотение подпитываются – по крайней мере, так принято считать – аналогичными желаниями и хотениями другого или других. Результатом такого рода желания и хотения является совершенно иная позиция по отношению к другому индивиду или другим индивидам. Она сама по себе безусловна, как любовь матери к ребенку, от которого она ничего не ожидает и не требует, пока он еще несмышленный дитя; когда же он набирается разума, подобное хотя и бывает, однако не играет определяющей роли. Одна любовь сама по себе не связывает. Точно так же, как глубокая симпатия и благосклонность; хотя любовь без ответной любви атрофируется, она все-таки может жить впроголодь, питаясь слабой надеждой, одним знанием о существовании любимого человека как раз потому, что вместе с благом для любимого одновременно хочет и саму себя, особенно в половой любви; последняя же чем более страстна, тем вернее обращается в ненависть, которая в этом случае есть извращенная любовь, подобно тому, как любовь к самому себе нередко рождает волю к самоубийству.

2. Производные и высшие виды социальной связанности всегда содержат в себе тот элемент, который можно определить, с одной стороны, как взаимное содействие, взаимопомощь или, по меньшей мере, не-враждебную, то есть мирную деятельность; с другой стороны, – как связанную (социальную) волю, определяющую индивидуальную волю. Таким образом, связанность и взаимность можно почувствовать и распознать по тому, что несоответствующее им, а тем более направленное против них поведение партнера (участника, члена) всегда вызывает противодействие другого или других и тем самым целого, если таковое себя утверждает, и оно тем неотвратимей, чем менее существование целого зависит от поведения отдельной личности. Так, например, дружба двоих, а часто и брак (хотя он со-обусловлен, в свою очередь, социальной волей окружения) зависят от поведения каждого партнера и могут быть им разрушены. Наоборот, в обществе отдельная личность, как правило, ничего не может; только поведение нескольких, многих, массы укрепляет или ставит под угрозу его существование: здесь дает о себе знать противоположность большинства и меньшинства, различие в том, хочет ли большинство сохранить или изменить существующее целое, и достаточно ли оно сильно, чтобы выказать меньшинству свою волю как волю целого. Обычной является ситуация, когда необходимо понять, что поведение индивида или части лиц (меньшинства), направленное против социальной воли, вызовет недовольство большинства, обладающего достаточной властью, чтобы реагировать на него соответствующим образом; в этой ситуации большинство объективно будет представлять совокупную волю, даже если ему противостоит значительная воля меньшинства. Но с социологической точки зрения важнее установить и недвусмысленно *определить* принцип,

согласно которому воля большинства или особого (преобладающего) большинства считалась бы волей всего “совета” или всей корпорации, так, чтобы после принятия решения, по крайней мере, на первых порах и временно, противоречие было снято.

III

1. Социальные сущности

У социологии как особой науки есть свои особые предметы: это – “вещи”, происходящие из социальной жизни и только из социальной жизни. Они – продукты человеческого мышления и существуют только для человеческого мышления, но в первую очередь – для мышления самих социально связанных людей, дающих имя тому общему, которое мыслится ими как господствующее над ними Нечто, и, наконец, представляется им личностью, наделенной волей и способной действовать. Существование такого Нечто и в конечном счете социальной личности может быть затем распознано и признано также и людьми извне – как связанными между собой, так и несвязанными, – а значит и другими социальными формами; это признание, будучи взаимным, может создать новое, в сущности аналогичное Нечто и в конечном счете новую социальную личность, непосредственно данную ее создателям; но и это новое Нечто и новая социальная личность могут быть опять-таки распознаны и признаны извне и т.д. Способ существования этих социальных вещей или личностей не отличается от способа существования богов, воображаемых, мыслимых и творимых связанными между собой людьми, – будь то в образе животных, в человеческом образе, или в образе, сочетающем в себе черты животных и человека, – для того, чтобы поклоняться им. Но есть и очевидная разница: боги, которым люди поклоняются, исчезают для них, когда люди перестают верить или уже не верят в их реальное существование; хотя и тогда они все еще являются предметами теоретического мышления – исторического или социологического. Наоборот, социальные “сущности”, как мы их назвали, не нуждаются в такой вере или грёзе – при ясном познании их воображаемого содержания их можно мыслить и хотеть в качестве субъектов общего воления и действия. Правда, им, как богам, могут приписывать – что бывает не так уж и редко – сверхъестественную природу, называемую также метафизической, и в этом смысле фантастическое, мифологическое мышление, к которому люди всегда были чрезвычайно склонны, всегда будет напоминать о себе и еще не раз смешает разные выдумки или фантомы: социальные сущности и прежде всего коллективные личности величественны, могущественны, возвышенны – величественны, могущественны, возвышенны и боги; таким образом, им также присуще нечто божественное, они находятся под особым покровительством богов, тем более если какой-нибудь социальной сущности, как *церкви*, приписывается сверхъестественное *происхождение*. Если самого бога представляют то в виде могущественного и внушающего ужас, то в виде милостивого и доброго владыки, то тогда он владыка и над государем, тогда он освящает, удостоверяет и покрывает

вает его, обосновывает как божественное его право, в особенности правовой порядок наследования, и тогда земной владыка господствует на своем высоком посту божьей милостью, и его почитают за бога. Все виды почитания, происходящие из естественных детских чувств почтения более слабого перед более сильным, даже если последнего ненавидят и испытывают к нему отвращение, тесно переплетаются друг с другом и с почитанием богов и находят в этом свое совершенное выражение, превращаясь в религию. Будучи послушными слугами богов, власть имущие являются посредниками и толкователями божественной воли и тем самым укрепляют собственную власть. Раз этим вымышленным вещам, которые пребывают не на облаках или Олимпе, а находят воплощение, скажем, в армейском или народном собрании, приписывается реальное существование, то уж оно обязательно будет связано с существованием богов, и вера в богов может поддерживать веру в республику подобно тому, как она непосредственно связана с верой в церковь и почитанием сословия священников. Научное критическое сознание снимает таинственный покров со всех этих фантазмагорий, оно приходит к выводу, что все эти воображаемые миры содержат лишь человеческое мышление и человеческую волю, что в их основе лежат надежды и страхи, потребности и нужды людей и что их возвышенные формообразования сравнимы с великими поэтическими творениями искусства, которые дух создавал веками и тысячелетиями. Таким образом, познание возвращает нас к простой мысли и проблеме: что, почему и как *хотят* мыслящие люди? Простой и общий ответ гласит: они хотят добиться конкретной цели (Zweck) и изыскивают самое подходящее средство, они стремятся к цели (Ziel) и ищут верный путь, который к ней ведет. В действительности это процесс, в зависимости от возраста по-разному происходящий в перипетиях практической жизни, повседневного труда, ежедневных борений и споров, ведомый и облегчаемый любовью и усладой, страхом и надеждой, упражнением и привычкой, образом и учением.

2. Человеческое воление

Это общечеловеческое *воление*, *способность хотеть* (Wollen), понимаемая нами как естественная и изначальная, исполняется в способности мочь (Können) и существенно обусловлена взаимодействием с ней. Весь дух, даже дух самого простого человека, выражается в способности мочь и в соответствии с этим – в волении: его образ мыслей, душу, совесть формирует не только то, что он изучал, но также – хотя и в связи с воспринятыми учениями – способ мышления и ощущения, унаследованный им от ушедших, но продолжающих оказывать на него влияние предков и предшественников. Вот почему волю в таком понимании я называю *сущностной волей* (Wesenswille) человека и противопоставляю ее другому типу воли – *избирательной воле* (Kügwille): в ней преобладающую, или даже руководящую роль играет мышление. Избирательная воля – это рациональная воля, а рациональную волю следует строго отличать от воли разумной: последняя прекрасно уживается с подсознательными мотивами, глубинные основания которых лежат в сущно-

стной воле; рациональная воля исключает таковые как элементы, препятствующие ей, и стремится быть ясно осознанной настолько, насколько это возможно.

Размышление отделяет мыслительные формы цели и средств друг от друга, из чего следует, что средства начинают хотеть независимо от их сущностной взаимосвязи с целью – не как тесно с ней переплетающиеся и родственные, а по возможности идентичные ей, но уже как совершенно изолированные от цели, так что они могут даже находиться с ней в резком противоречии. Но мысленная цель требует, чтобы средства максимально соответствовали ей, так чтобы не применялось ни одно средство или часть какого-то средства, не обусловленная целью, а, напротив, выбиралось и использовалось только наиболее целесообразное. Это ведет к еще более определенному различению и разделению средств и цели, не допускающему никакого иного взгляда на средство или иного интереса к нему, кроме тех, которые направлены на его по возможности совершенную целесообразность, – таков принцип *рационализации* средства, всюду получающий развитие как необходимое следствие по мере того, как мысль, сообразно желанию и стремлению, все более интенсивно направляется на цель. По сути дела это означает неразборчивость в средствах во всех отношениях, кроме одного: максимальной целесообразности. Такая неразборчивость часто достигается путем преодоления внутреннего сопротивления, поскольку другие побуждения (возникающие в связи с целью) удерживают, отпугивают, как бы отговаривают от применения выбранного средства или от его создания, и даже целесообразное в этом смысле действие совершается с явным *отвращением* (*Widerwille*), то есть с боязнью и страхом или – что еще более характерно – с чувством омерзения и близкими ему негативными эмоциями, переживаемыми как угрызения совести; так, нарочито преувеличивая, *Гёте* говорит, что действующий всегда “бессовестен”. На самом деле, тот, кто преследует свои цели, не считаясь ни с чем, как правило, вынужден подавлять или преодолевать свою совесть, полагая, что вправе по необходимости презирать и отрицать ее, но именно для того, чтобы не принимать близко к сердцу всякого рода сомнения, находит удовлетворение в высокомерии и заносчивости. Поэтому чисто эмоциональные (импульсивные), то есть иррациональные воления и действия, с одной стороны, и чисто рациональные, ориентированные только на средства и часто противоречащие чувствам воления и действия, с другой, – это лишь крайние случаи, между которыми происходят все действительные воления и действия. Выдвинутые нами понятия сущностной воли и избирательной воли воздают должное той мысли, что масса волений и действий расположена ближе или склоняется либо к одному, либо к другому случаю. Я называю их нормальными понятиями (*Normalbegriffe*) или понятиями, указывающими направление (*Richtungsbegriffe*); они представляют собой *идеальные типы*, призванные служить масштабом для познания и описания реальных.

3. Общность и общество

Речь идет не о том, чтобы неразумной воле противопоставлять разумную, ибо и сущностная воля обладает разумом, более того – он формируется в ней до своего расцвета в качестве творческого и созидательного, искусного воления и деяния, как дух гения, художнического или нравственного; между тем, в своих простейших формах сущностная воля есть лишь непосредственное, страстное и одновременно наивное воление и деяние; для избирательной воли, наоборот, чаще всего характерно сознание. Ее отличает делячество (*Machen*) в противоположность творчеству (*Schaffen*), то есть механическая работа, и наш язык (как и другие языки) улавливает разницу, когда мы говорим о прожектерстве, махинациях, плетении интриг, лжи и всем том, что направлено на создание средств, единственное предназначение которых – вызвать желаемые нами следствия, соответствовать нашим практическим целям. Применяя эти понятия к связанным, не следует понимать их в том смысле, будто имеются в виду обычные мотивы, из которых образуются связности, заключаются союзы, формируются объединения или основываются общины; речь идет и о другом, не менее важном: о познании тех побуждений, которые лежат в основе бытия во всех видах связностей, а следовательно, и тех, что вызывают отпор, хотя часто причиной отпора бывают по сути своей негативные побуждения, в то время как здесь имеются в виду лишь позитивные. Эти побуждения было бы неверно понимать и так, будто они постоянно и сущностно относятся к какой-то одной из категорий – либо к сущностной воле, либо к избирательной; здесь следует предполагать динамическое отношение, соответствующее человеческому чувствованию и мышлению: мотивы колеблются и переходят друг в друга, хотя там и тогда, где и когда происходит подобного рода развитие, наблюдается известная регулярность и даже закономерность – тенденция к абстрактно-рационалистическому формированию. Итак, все виды связности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (*Gemeinschaft*), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ей обусловлены, – обществом (*Gesellschaft*), причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связности.

Тем самым с этих терминов снимается покров сопутствующего им смысла – обозначать сами связанные единства или даже коллективные и искусственные личности: общность и общество – сущностные формы, проходящие через все виды связностей, как это будет показано в следующей статье³. (См. предшествующую статью “Общность”, 1)⁴.

IV

³ Вероятно, Ф.Теннис имеет в виду статью А. Фиркандта, непосредственно следующую за его статьей в “Настольном словаре по социологии”, – “Товарищеская общественная форма естественных народов” (“Die genossenschaftliche Gesellschaftsform der Naturvölker”). – *Прим. перев.*

⁴ Речь идет о статье Т. Гайгера “Общность” (“Gemeinschaft”); Т. Гайгер же является автором статьи “Общество” (“Gesellschaft”) в “Настольном словаре по социологии”. – *Прим. перев.*

1. Отношения, совокупности, корпорации

Я различаю следующие социальные сущности, или формы: 1. отношения (Verhältnisse), 2. совокупности (Samtschaften), 3. корпорации (Körperschaften), или соединения (Verbände) (союзы (Bünde), объединения (Vereine), товарищества (Genossenschaften)). Классификация основана на том различии, что сущность третьего рода всегда мыслится по подобию человеческой личности, способной сформировать единую определенную волю, которая *в качестве* воли обязывает и принуждает подчиненные ей личности (естественные или искусственные) совершать поступки в соответствии с таковой волей независимо от их направленности вовне или вовнутрь. В форме социального *отношения* само отношение мыслится иначе, даже если оно выделяется особым именем. К его сущности принадлежит (во всяком случае) то, что его субъекты или носители – члены отношения – осознают это отношение, так как они его положительно хотят и тем самым утверждают его существование. Это утверждение включает в себе зачаточную форму того, что находит свое завершение в полагании личностного единства, в полагании обладающей волей и способной действовать корпорации. Совокупность – это промежуточная форма между отношением и корпорацией. Она мыслится как некое множество, включающее в себя, подобно корпорации, массу взаимосвязанных вещей, так что в результате возникают общие стремления, желания, симпатии и антипатии, короче говоря, общие чувства и общие образы мыслей; но совокупность не способна на действительное воление, она не может принять никакого решения до тех пор, пока не “организуется” в какое-нибудь объединение, не создаст какой-нибудь комитет или совет. (См. классификацию в статье “Основные формы”, С I)⁵.

2. Социальное отношение:общностное и общественное товарищеского типа и по типу господства

Социальное отношение – самая общая и простая социальная сущность, или форма. Но у него и самые глубокие корни; ибо оно зиждется отчасти на первоначальных, естественных, действительных обстоятельствах жизни как причинах взаимной связи, взаимной зависимости и взаимной привязанности между людьми, отчасти – на глубинных, наиболее общих, необходимейших человеческих потребностях. И те и другие доходят до осознания, правда, с различными следствиями. В случае естественного отношения, например, когда этот человек – мой брат, так как я знаю, что нас родила одна и та же мать, или он – мой шурин, сводный, приемный, молочный брат (что уже менее естественно, поскольку выводится из других, не чисто естественных взаимосвязей), обычно я чувствую себя близким ему, а именно благодаря тому, что мы друг с другом взаимосвязаны, каждый из нас положительно относится к существованию другого, стало быть, мы друг друга знаем, до

⁵ Речь идет о статье В. Зомбарта в “Настольном словаре по социологии” “Основные формы совместной человеческой жизни” (“Grundformen des menschlichen Zusammenlebens”). – *Прим. перев.*

некоторой степени симпатичны друг другу, испытываем взаимное расположение и доверие, а в дальнейшем можем иметь какие-то общие *ценности* – скажем, право совместного управления имуществом или наследственные блага, которые нам предстоит разделить между собой, причем идеальные блага здесь также принимаются в расчет. Во всяком случае, каждое такого рода отношение, даже между двумя людьми, влечет за собой познание и признание социального отношения как такового, знание того, что отсюда обычно должны последовать определенные взаимные действия – действия, ожидаемые и требуемые каждым от другого и ожидаемые и требуемые от самого себя по отношению к другому. Здесь зачатки “прав”, на которые каждый претендует сам, но признает их и за другим, “обязанностей”, которые, как он думает, надлежит выполнять другому, но которые он возлагает и на самого себя, зная, что другой мыслит и хочет их как должное с его стороны. Но если я осознаю свои настоятельные потребности и замечаю, что я не могу удовлетворить их ни по моему собственному хотению, ни благодаря естественным отношениям, – значит для того, чтобы их удовлетворить, я должен что-то сделать: это – само по себе свободное действие, обусловленное только определенной потребностью, может быть, необходимостью, но не другими людьми. Однако скоро я обнаруживаю, что должен воздействовать на других людей, чтобы побудить их сделать или дать то, что мне нужно. Наверное, в редких, исключительных случаях мне удастся выпросить, скажем, кусок хлеба, стакан воды. Но, как правило, все это, если не получают благодаря общественным отношениям, например, в семье, то зарабатывают, покупают посредством труда, услуг, денег, уже полученных в виде оплаты прежнего труда, ранее предоставленных услуг, либо из других источников. Здесь я включаюсь или уже был включен в социальные отношения, но социальные отношения иного рода: их прототипом является обмен, следовательно – как высшая, наиболее развитая форма обмена – продажа и покупка вещей или разных видов деятельности, мыслимых как аналогичные вещам, а потому заменимые на вещи или другие виды деятельности. Таковы все здравые, осмысленные, поэтому также и ориентированные на здравый смысл *разумные* действия, поскольку для их совершения необходимо или предполагается необходимым сравнение, а стало быть, и мышление. Возникающие из них социальные отношения сначала временны, даны лишь в акте обмена, поскольку он, пока происходит, заключает в себе временную общую волю; однако они приобретают постоянство – отчасти из-за того, что акты обмена повторяются и в конце концов становятся регулярными, отчасти потому, что продолжительность отдельного акта обмена увеличивается по мере того, как его исполнение – будь то обеими сторонами или одной стороной – переносится в будущее: таким образом, отношение, которое получает свою характерную особенность благодаря одностороннему или двустороннему “обещанию”, становится действительным социальным отношением связанности или взаимозависимости только через взаимное обещание, даже если одной стороной оно высказано со всей определенностью, а другой лишь молчаливо предполагается.

Данные природой отношения по сути своей также взаимны, реализуются во взаимной деятельности – естественное отношение, подобно договорному, порождает взаимодействие или делает его необходимым, призывает к нему или требует его; но здесь отношение как бы от природы дано раньше своих субъектов или членов, и нам кажется само собой разумеющимся, что хотят и поступают в соответствии с ним – идет ли речь о самом насущном и простом, о том, что делают по желанию и склонности, по любви, по привычке, или, наконец, по велению разума, заключенного в чувстве долга: все эти виды сущностной воли переходят друг в друга и каждый из них может стать основой для возникновения общности. В чистом и абстрактном договорном отношении те, кто заключает договор, мыслятся, наоборот, как разобщенные личности, которые до этого и сейчас во всем остальном друг от друга не зависели и не зависят, совершенно друг другу чужие, и вообще – как ранее, так и сейчас во всем остальном настроены по отношению друг к другу враждебно. *Do, ut des*⁶ – единственный принцип такого отношения: то, что я для тебя делаю, есть лишь средство, чтобы вызвать твое – одновременное, предшествующее или последующее – ответное действие, собственно, только его я на самом деле хочу и желаю; моя цель – заполучить твое, свое же я отдаю как средство, разумеется, вынужденно; только мыслимое и предвосхищенное следствие есть та причина, которая определяет мое воление. Это простейшая форма избирательной воли.

Отношения первого типа подпадают под понятие *общности*, отношения второго типа – под понятие *общества*; так различаются общностные и общественные отношения. Но и те, и другие бывают, в свою очередь, разными в зависимости от того, является ли их предпосылкой фактическое (более или менее совершенное) *равенство* или существенное *неравенство* между волением и способностью мочь, властью и авторитетом. В соответствии с этим различаются социальные отношения товарищеского типа и социальные отношения по типу господства. (См. в этой связи “Властное отношение” и “Товарищеская общественная форма”)⁷. Рассмотрим эти различия.

А. Общностные отношения

а) *Товарищеский тип*. Простейшую форму товарищеского типа представляет собой *пара*, совместно живущая в братских, приятельских, дружеских отношениях, которые легче всего складываются, если людей сближают возраст, пол, деятельность, образ мыслей, устремления и особенно если их объединяет общая идея. В легендах и истории такие пары – не редкость; древние греки настолько чтит дружеские и товарищеские отношения в паре, например, какие были между Ахиллесом и Патроклом, Орестом и Пиладом, Эпаминодом и Пелопидом, что Аристотелю даже приписывался парадокс: у кого есть *друзья*, у того нет *друга*. Немецкий язык и литература

⁶ *Do, ut des* (лат.) – даю, чтобы и ты мне дал. – Прим. перев.

⁷ Имеются в виду, соответственно, статья Ф. Оппенгеймера “Властное отношение” (“*Machtverhältnis*”) и вышеупомянутая статья А. Фиркандта “Товарищеская общественная форма естественных народов”. – Прим. перев.

предпочитают называть отношения, воспетые эллинами как такие, при которых общая радость и общее горе делятся пополам, братскими: мы видим их скорей в свете понятия об идеале, чем со стороны опыта, акцентируя внимание больше на причине и меньше на мотиве, и это оправдано постольку, поскольку братья, действительно, чаще всего образуют самую естественную, а, следовательно, и наиболее вероятную дружескую пару.

б) *Тип господства*. В повседневной жизни всех слоев народа на всех стадиях развития культуры можно наблюдать отношение отца к ребенку, которое всегда является охранительным отношением – и чем ребенок слабее, тем в большей мере, поскольку он больше нуждается в защите: последняя же в качестве собственного условия всегда предполагает господство, ибо осуществлять защиту можно лишь на регулярной основе, когда защищаемый следует указаниям и даже приказам своего защитника; ввиду того, что всякое господство легко переходит к применению насилия, отцовское отношение, подобно материнскому, сопротивляется ему любовью и нежностью, обычно даруемыми собственному чаду по причинам животно-вегетативного характера в большей мере, чем любому другому объекту увлечений или защиты. Однако общий смысл отцовского отношения легко распространяется и на другие внутренне родственные охранительные отношения: так, существуют отчим, приемный отец, глава семейства (Hausvater), опекун (правда, последний, заменяя отца по закону, не обязательно находится в общественных отношениях с подопечным). Отцовское достоинство – прототип всякого, в том числе имеющего иные основания, общественного авторитета, в особенности авторитета священника. Причины этого заключаются прежде всего в том, что мифические представления возносят отца на Олимп или на Небо и приписывают ему как прародителю богов и людей несметное число детей, либо – в менее чувственной и облагороженной форме – единородного сына, которого после того, как он дал поборол политеизм, идентифицируют с отцом вплоть до их совпадения и полной гармонии. Не удивительно, что имя “папа”, в раннем христианстве полагавшееся всем епископам, было возведено римско-католической церковью на вершину духовных достоинств, между тем как в восточных церквях все духовные лица – особенно, конечно, высшие – в просторечии называются “папами” (попами). Мирское и политическое господство, помимо того, что часто смешивается с духовным и не уступает ему в священности, тоже нередко принимает по-отечески благосклонный характер, как это лучше всего формулирует термин “Landesvater”⁸. Отцовский авторитет – высшая форма авторитета особого рода, авторитета старших и старейших, и достоинство возраста находит свое самое совершенное выражение именно в отцовском достоинстве. Отсюда становится понятен тот особый смысл, который в церковной общине (Gemeinwesen) имеет слово “пресвитер”, а в мирской – “сенатор”⁹.

⁸ Landesvater (нем.) – князь. Буквально: “отец земли”. – *Прим. перев.*

⁹ Слово “пресвитер” (в православной и католической церкви – священник) происходит от древнегреческого “presbyteros” – старец, старейший. Слово

в) *Отношения смешанного типа*. В некоторых общностных отношениях сущность господства и сущность товарищества, по-видимому, смешиваются: например, в важнейшем из элементарных общностных отношений, обусловленном половой потребностью, а значит и продолжением рода, – в продолжительном отношении между мужчиной и женщиной, как бы оно ни называлось, браком или как-нибудь иначе.

Б. Общественные отношения

Различие между сущностью товарищества и сущностью господства проявляется также в общественных отношениях и может быть выведено только из того, что господство устанавливается через свободный договор – будь то между отдельными личностями, как трудовой договор, или как соглашение многих признать над собой правителя или главу и безусловно или на определенных условиях подчиняться ему, независимо от того, кто или что будет непосредственно воплощать их единство – отдельная естественная личность или одна коллективная личность, наделенный волей и способный действовать совет или корпорация, представленная всей совокупностью. Своей полноты общественное господство достигает в *государстве* в собственном смысле этого слова, то есть в современном государстве; ему предшествовало множество других государственных форм, стремившихся к современной и, наконец, обретших ее в форме демократической республики, где оно перерастает границы своих общественных основ. Однако фактическое господство возникает уже вследствие простого общественного отношения, в котором происходит дифференциация власти между двумя договаривающимися сторонами, как, например, в трудовом договоре, в особенности когда он заключается между отдельным “работодателем” и отдельным “наемным работником” или в условиях, складывающихся в результате “мирных договоров” между победителями и побежденными: договоры эти мнимые, а на самом деле за ними стоят принуждение и жестокое обращение.

3. Совокупность

Вторым понятием социальной сущности, или формы, является понятие *совокупности*. Я различаю естественные, душевные и социальные совокупности. К нашему понятию имеют непосредственное отношение только социальные совокупности, однако они основываются частью на естественных, частью на душевных совокупностях, частью одновременно на тех и на других. Ибо сущность социальной совокупности заключается в том, что естественные и душевные отношения, образующие ее фундамент, сознательно принимаются, а стало быть, их сознательно хотят. Это явление наблюдается повсюду, где происходит народная жизнь, в многообразных формах общностей (*Gemeinsamkeiten*), например, в языке, укладе жизни и обычаях, религии в суевериях, но прежде всего в особенностях, отличающих – до некоторой

“сенатор” (член сената, высшего государственного совета в Древнем Риме) происходит от латинского “senex” – старый, старец. – *Прим. перев.*

степени объективно, но в какой-то мере только в их сознании – части одного народа друг от друга, а именно в особенностях, выделяющих определенные слои как высшие, благородные, господствующие. Так, сословное сознание – это всегда в первую очередь сознание господствующих сословий, и наиболее явно оно проявляется в гордости и высокомерии – чувствах, которым противостоят смирение и скромность находящихся под их господством “низших” сословий до тех пор, пока сословия господ почитаются за таковые, пока верят в их превосходство или даже божественное происхождение. К совокупности также применимы понятия общности и общества. Социальные совокупности имеют общностный характер постольку, поскольку те, кто в них входит, мыслят их данными от природы или сотворенными сверхъестественным волеием; самым простым и наивным образом это выражается в кастовом устройстве Индии. Здесь принадлежность к тому или иному профессиональному сословию считается такой же природной необходимостью, как и сам факт рождения, и вхождение в него кажется само собой разумеющимся, ибо профессиональное сословие – одна большая семья: ее занятие и способ зарабатывать на жизнь, даже если это воровство, представляют собой наследство, которое надлежит сохранять и поддерживать. Следы такого положения дел можно найти во всякой сословности, так как и поскольку абсолютный разрыв со всеми социальными отношениями, установленными рождением, происходит редко и часто невозможен. Поэтому обычно человек смиряется со своей принадлежностью к сословию, к которому относились его родители и предки и которое, по известному выражению, предназначено им “богом”, как со своей судьбой, и хотя часто в ней видят тяжкое бремя, привычка и опыт облегчают ее неизменность. Более того, внутри этих границ, хотя в них и чувствуют себя стесненно, повышенное сословное самосознание может одобрять факт существования данного сословия, с одной стороны, тем, что прославляет некоторые свои положительные качества или добродетели, замечая и обличая их отсутствие у господствующих сословий, с другой стороны, тем, что сознает свои особые способности, например, к искусству, ремеслу, а также свою честь, считает их по крайней мере равными чести и достоинству других сословий, в том числе господствующих, и добивается их признания. Иным является сознание социальной совокупности, если оно, будучи направлено на определенные и большие цели, использует для их достижения качества, осознаваемые и провозглашаемые им как присущие только ему: это ведет к ожесточенной духовной и политической борьбе, в которой слои одного народа противостоят друг другу как классы; в результате, чем больше господствующее сознание выставляет власть одного класса в выгодном свете, утверждая его превосходство, чтобы угнетать и держать в рамках низший класс, тем сильнее, с другой стороны, этот класс стремится к равенству, восстает против притеснений и надменности господствующего класса, стремится ограничить его власть или совсем вытеснить. Различие между сословной и классовой борьбой в сущности незначительно; сословная борьба происходила в более ранние исторические времена и обычно не была столь радикальной – ее отличала достаточность: низшие

сословия добивались лишь участия в наслаждении жизнью и элементов господства, следовательно, оставались заодно с верхами, считая в какой-то мере самих себя, а тем более слои, расположенные еще ниже, чем они, на самом деле недостойными этого, стараясь вместе с высшими сословиями управлять низшими слоями и подавлять их. Классовая борьба носит безусловный характер: она не знает никаких сословных делений, а стало быть, и никаких данных от природы господ. На первом плане сознания всего класса, чувствующего себя лишенным состояния, а потому угнетенным, стоит идеал имущественной общности всего народа в отношении земли и недр, а также всех средств труда, полученных по наследству или путем умелого ведения дел и “по закону” принадлежащих небольшому меньшинству, которое противопоставит ему как имущий класс. Таким образом, классовая борьба – это становящаяся все более сознательной и всеобщей форма сословной борьбы. Но указанное сознание многообразно проявляется и без прямой борьбы: так, большая масса людей, лишенных состояния, осознает себя в основном как народ, узкий слой владельцев собственностью и наслаждений – в основном как общество, хотя оба понятия означают нечто общее, всеохватывающее. В этом смысле “народ”, также как и сословие, имеют более общностный характер, а “общество”, как и класс, также понимаемые в указанном здесь смысле, – более общественный. (См. “Сословия и классы”)¹⁰.

4. Корпорация

Третий и наиболее важный *предмет* чистой социологии – это соединение, или корпорация, обозначаемая и множеством других имен. Она не есть нечто природное, ее не следует понимать также как чисто душевный факт – она есть исключительно и по сути своей факт социальный, то есть она существует лишь благодаря тому, что ее вместе мыслят многие. Ее отличительной чертой является способность к единому волеию и деянию – способность, которая наиболее явно представлена в способности к принятию решений: принимать решения может отдельный человек как мыслящее существо, если же речь идет о многих людях, то это возможно лишь тогда, когда между ними долго царит согласие, или так долго, чтобы они могли признать и считать действительной волю части их совокупности (*Gesamtheit*), выраженную в заранее установленных формах и при общем согласии как волю их всех, то есть как волю корпорации. Так, например, их воля может быть представлена одной единственной естественной личностью, если подразумевается, что за ней стоит воля совокупности (*Gesamtheit*), то есть всей корпорации в целом. Корпорация – при ближайшем рассмотрении этого термина – может возникнуть **1.** из *естественных отношений*, поскольку они стали социальными. Здесь кровно-родственные отношения всегда оказываются наиболее общими и самыми естественными узами, связывающими людей – их “совместной сущностью” (“*Zusammenwesen*”). Важнейшей

¹⁰ Ф. Теннис отсылает к своей статье в “Настольном словаре по социологии” “Сословия и классы” (“*Stände und Klassen*”). – *Прим. перев.*

образующейся на их основе корпорацией является союз, который у всех известных нам народов представляет первоначальную форму политической совместной жизни, как бы это древнейшее единство и единение людей ни называлось – кровным родством, родовой общиной, родовым союзом или кланом. Включаются ли при этом женщины в совокупность взрослых личностей или нет; завершаются ли советы соглашениями, которые получают мнимое одобрение божественной воли, или возгласами ликования в честь вождя и предводителя, которому все добровольно подчиняются, – как бы то ни было, именно здесь формируются зачатки того сознания, что возникает из простого чувства сплоченности и вырастает в принимаемое всей совокупностью постоянное “Я”. 2. Людей сплачивает, далее, общее отношение к *земле*, первоначально неотделимое от сознания или мнения кровных родственников: *совместное проживание*, соседство объединяет людей, заставляя их созывать советы и через советы принимать решения; здесь опять-таки действует двойной принцип товарищества и господства. Большим типом такой корпорации является деревенская община (Dorfgemeinde): ее сущность заключается в практикуемом сообща искусном возделывании земли и владении маркой¹¹, или угодьями, которые рассматриваются как общая собственность; сельское товарищество (Markgenossenschaft) представляет собой единение многих деревенских общин, расположенных по соседству и возникших из некоего первоначального единства. Деревенская община часто неотличима от родовой общины (Geschlechtsgenossenschaft), но последняя постепенно утрачивает характер кровного родства по мере того, как в нее начинают входить чужие. Земля и совместное проживание поначалу являются узами, связующими людей и их семьи наряду с узами общности происхождения, однако постепенно первые все больше заменяют последние. Особенно сильно на этот процесс влияет оккупация – установление господства над территорией чужим родом-племенем и его вождями, если и поскольку прежние жители и владельцы земли не истребляются и не изгоняются, но хотя бы часть их остаются жить и постепенно, став подданными новых господ, сливаются с ними в единый народ. В этом случае деревенская община как корпорация обычно сохраняется, а именно в виде товарищества, однако модифицируется властью и правом новых землевладельцев по типу господства. 3. Товарищество и товарищеское равенство приобретают новую сферу в более тесной и близкой совместной жизни *города*: совместное проживание становится все более независимым от совместной сущности, то есть в нем все больше скапливается чужих по крови, ибо изначально города представляли собой деревни или замки, обнесенные крепостными стенами, жители которых были вынуждены *взаимодействовать* – под властью одного повелителя или как равноправные граждане, – прежде всего чтобы защитить себя, а потом и для того, чтобы установить или сохранять мир и порядок внутри собственной массы, а это вело к образованию политической общины (politisches

¹¹ Марка (die Mark) – крестьянская община (в ряде стран Западной Европы в Средние века, в том числе Германии). – *Прим. перев.*

Gemeinwesen). Таково великое предназначение и достижение городской общины (Stadtgemeinde) – “*полиса*”, давшего современное имя и придавшего особый характер всему тому, что в Европе и ее отпрысках позднее сформировалось в лице государства в могущественнейшую организацию и единственную в своем роде корпорацию, подобно тому, как его суверенное народное собрание – *die Ekklesia*¹² – дало имя другой великой общине (Gemeinwesen) – церкви, возникшей еще в римскую эпоху и до сих пор излучающей свет на весь земной шар.

Эти корпорации и общины уходят своими корнями в ту изначальную сплоченность, которая в изложенном здесь понимании и есть общность. Несмотря на то, что первоначальная совместная сущность, выражающаяся в совместном проживании и взаимодействии, модифицируется, она все же сохраняется и может обновляться в духовных формах взаимодействия, а в дальнейшем и в совместной жизни вообще, в особенности политической, так что народ, тем более если он сплотился в государственный союз или только стремится к нему и если он чувствует себя связанным общим языком, хочет как народная общность представлять собой единство, которое может возрастать в национальном сознании и национальной гордости, но при этом легко теряет свою первоначальную подлинность.

5. Гражданское общество

Между тем, первоначальный базис совместной жизни продолжает изменяться и находит завершение в явлении, часто именуемым *индивидуализмом*; но его истинный смысл заключается в том, что убавляется не просто социальная жизнь, а общностная социальная жизнь – развивается, приобретает все большую власть, и, наконец, получает превосходство другое, новое взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих личностей. Таковы условия “гражданского общества” (“*bürgerliche Gesellschaft*”) как радикальной формы разнообразных явлений, которые охватываются социологическим понятием общества и по своей тенденции безграничны, космополитичны и социалистичны. Происходит великая перемена: в то время как вся жизнь вырастает и черпает силы из народных глубин, гражданское общество формируется как верхушечный феномен, постепенно распространяющийся на весь народ и все человечество. Будучи совокупностью (*Gesamtheit*) индивидов и семей – прежде всего тех, кто обладает частью гражданского богатства, то есть землей и капиталом как необходимыми средствами производства всякого рода благ, – оно по своей сущности есть совокупность (*Samtschaft*) преимущественно экономического характера. В более или менее узких границах, определенных действительным или мнимым родовым родством, очевидным признаком которого считается общ-

¹² Немецкое слово “*die Ekklesia*” (христианская церковь) происходит от латинского “*ecclesia*”, которое имеет два основных значения: 1) народное собрание (от греч. *ekklesia*) и 2) христианская община; последнее метонимически преобразовано в “церковь”. – *Прим. перев.*

ность языка, она¹³ создает свое государство, а именно скроенное по типу городской общины единство, обладающее волей и способное действовать, которое завершается построением гражданской, а в конечном счете, вероятно, и социальной республики. Государство она мыслит как средство для достижения своих целей, то есть в первую очередь как орган защиты ее личности и собственности, в том числе духовной собственности, высоко ценимой и почитаемой ее носителями. Но поскольку она, не предавая саму себя, не способна признать и, так сказать, написать на своем знамени, что как особая общественная совокупность она отличается от народа, то утвердить свою сущность она может, лишь отождествляя ее с сущностью всего народа и изображая себя как его представителя или заступника. Этот процесс, который еще отнюдь не заканчивается наделением всех соотечественников равными политическими правами, в какой-то мере уменьшает все более возрастающую пропасть между монополией на собственность у общества (в узком и собственном смысле) и отсутствием собственности у народа, но не может снять ее существенный характер и даже усугубляет его, распространяя и укрепляя сознание – сознание “*социального вопроса*”. Благодаря политическому и иному духовному образованию (а оно стимулируется жизнью в городах, особенно в крупных) общественное сознание становится сознанием постепенно увеличивающейся массы народа. Последняя также начинает видеть в государстве средство и орудие для улучшения своего положения, уничтожения монополии на собственность немногих и получения такой доли продуктов, которая, удовлетворяя разумные потребности рабочих, была бы соразмерна доле предназначенных для распределения и потребления благ, получаемых руководителями производства; в то время как блага, предназначенные или пригодные для постоянного общего употребления, должны оставаться в общей собственности общества, то есть народа или его организованного союза – государства.

ЛИТЕРАТУРА¹⁴

1. *Ferdinand Tönnies*, *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 6. u. 7. Aufl. Berlin (Curtius) 1925.
2. *A. Baltzer*, *Ferdinand Tönnies' Gemeinschaft und Gesellschaft. Zur Beleuchtung der sozialen Frage*. Berlin 1890.
3. *E. Rosenbaum*, *Ferdinand Tönnies' Werk*. Schmollers Jahrbuch XXXVIII.
4. *Ferdinand Tönnies' Soziologische Studien und Kritiken I*. Jena 1925.
5. *Oppenheimer*, *System I* 340 ff. und passim.

¹³ Здесь и далее имеется в виду “совокупность (Samtschaft) преимущественно экономического характера”.

¹⁴ Приводимые ниже литературные источники публикуются нами в том виде, в каком они представлены в “Настольном словаре по социологии”. – *Прим. перев.*

6. *Stoltenberg*, Wegweiser zu 1. Berlin 1919.
7. *Sombart*, Der moderne Kapitalismus II, 2. 1081 f.
8. *Troeltsch*, Hist. Zeitschr. Berlin 1924.
9. *Dunkmann*, Die Kritik der sozialen Vernunft. Berlin 1924.
10. *Schmalenbach*, Die Dioskuren I. 1923.
11. *L.v. Wiese*, Allgem. Soziologie I, S. 39, 164; II S. 46, 61.
12. *Vierkandt*, Gesellschaftslehre, S. 6, 13, 208 bis 315.
13. *O. Spann*, Gesellschaftslehre, S. 34 (mit vielem Sperrdruck)¹⁵. “Es zeugt von dem Tiefstande der philosophischen Bildung in Deutschland, daß die platte, und genauem Zusehen durchaus nicht neue Unterscheidung von Gemeinschaft und Gesellschaft so große Beachtung finden konnte”¹⁶.
14. *Brinkmann*, Gesellschaftslehre, S. 21 ff.
15. *Freyer*, Soziologie (Leipzig 1930), S. 176, 182, 233 ff., 240 ff.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Центральное понятие социологии Ф.Тённиса “Gemeinschaft” (в паре с “Gesellschaft”) по установившейся традиции переводят либо как “община”, либо как “сообщество”. Представляется, что перевод этого термина как “общность” более точен с филологической, корректен с логической и более адекватен с социологической точек зрения. Попробуем обосновать нашу позицию.

В немецком языке есть по крайней мере три термина, переводимых (вне устойчивых выражений) как “община”¹⁷: *Gemeinde*, *Gemeinwesen*¹⁸, *Gemeinschaft*. Во-первых, по сравнению с социально и исторически конкретным словом “Gemeinde” (1) община; 2) местное самоуправление; 3) *церк.* община, приход) слово “Gemeinschaft” выгодно отличается тем, что оно более *абстрактно*: 1) общность, единство, единение, содружество, сообщество; связь, общение; 2) общество, объединение. По сравнению с “Gemeinwesen” (1) коллектив; 2) коммуна, община; 3) общество) термин “Gemeinschaft” делает акцент не на общем как сущности или общем как общем деле, благе и т.п., а на факте и *форме* общего, данного как единство, единение. Такой абстрактный и одновременно формальный смысл слова “Gemeinschaft”

¹⁵ С обильной разрядкой.

¹⁶ “Тот факт, что банальное и при ближайшем рассмотрении отнюдь не новое различие между общностью и обществом смогло привлечь к себе такое большое внимание, свидетельствует о низком уровне философского образования в Германии”.

¹⁷ Слова “die Genossenschaft”, “genossenschaftlich” также нередко переводятся как “община”, “общинный”, особенно в сложных словах и некоторых устойчивых выражениях. Но, поскольку они имеют другой корень, в данном случае мы исключаем их из рассмотрения. Для того, чтобы подчеркнуть их отличие, в статье эти слова почти всегда переводятся в их основном значении как “товарищество” и “товарищеский”.

¹⁸ В контексте социологии Тённиса термин “gemeinsames Wesen” (общая сущность) можно считать синонимом термина “Gemeinwesen”.

дает основание переводить его не как “община”, а именно как “общность”, что более точно соответствует духу тённисовской “чистой”, или формальной, социологии”.

Во-вторых, Ф. Тённис рассматривает разные конкретно-исторические виды общин как “корпорации”, включая в это общее понятие родовую общину (Geschlechtsgenossenschaft), деревенскую общину (Dorfgemeinde), сельское товарищество (Markgenossenschaft), политическую общину (politisches Gemeinwesen) или городскую общину (Stadtgemeinde), а также христианскую общину (kirchliche Gemeinde) или церковь. Если учесть, что общностями являются, то есть имеют “общностный” – в понимании Ф. Тённиса, сплоченный – характер не только общины как “корпорации”, но и “совокупности”, а тем более социальные единства, образованные на основе естественных человеческих “отношений”, то было бы логично заключить, что слово “община” не может быть достаточно корректным переводом тённисовского термина “Gemeinschaft”.

В-третьих, выбор в пользу “общности”, а не “сообщества” сделан потому, что последнее этимологически связано со словом “общество”, оно производится от него путем прибавления приставки “со”: “сообщество” как бы подразумевает первичность “общества”, которое на определенной стадии своей эволюции достигает до более высокой формы – “сообщества”, подобно тому как “дружба” достигает до “содружества”. Реальным примером такой эволюции может служить “europäische Gemeinschaft” – “европейское сообщество”. Но если в современном геополитическом контексте такой перевод слова “Gemeinschaft” более чем оправдан, то в контексте консервативной социальной философии Ф. Тённиса, ориентированной на фундаментальные ценности, считать его адекватным с социологической точки зрения нельзя. Тённис всячески подчеркивает существенное различие между “Gemeinschaft” и “Gesellschaft”, доходящее в “гражданском обществе” до противоположности. У него последнее производно от первого, вырастает из него и держится на нем как “вершечное явление” на “базисе”. Поэтому, если этот социологический смысл трансформировать обратно в филологический, то следует признать, что “общество” вырастает из “общности”, а не из “сообщества”. Социологична была бы эволюционная цепочка “общность – общество – сообщество”.

Что касается слова “Gemeinsamkeit” (общность), встречающегося в статье, то факт его наличия не может повлиять на выбор слова “общность” при переводе термина “Gemeinschaft”, потому что его смысл конкретней и уже: “Gemeinsamkeit” означает общность в сходстве, одинаковости, например, общность языка, характеров, привычек, образа жизни и т.д.

Другим неудобным для перевода понятием является “Samtschaft”. “Словарь по социологии” под редакцией В. Фукса-Хайритца, Р. Лаутмана, О. Рамштедта и Х. Винольда, дает ему следующее определение: оно, “согласно Ф. Тённису (1919), является обозначением для больших, неформально организованных групп, которые могут включать в себя как части формально организованные единства”¹⁹. За неимением лучшего варианта (кстати, в “Большом немецко-русском словаре” такого слова нет) мы переводим его на русский язык как “совокупность”, то есть как синоним слова “Gesamtheit” (совокупность). Но они не полные синонимы, и их смысловое различие может быть существенно для социолога: если слово “Gesamtheit” делает акцент на том, что в одном множестве собраны *вместе все элементы*, то слово “Samtschaft” подчеркивает *собранность вместе* всех элементов множества. Социоло-

¹⁹ Lexikon zur Soziologie / Hrsg. von W. Fuchs-Heinritz, R. Lautmann, O. Rammstedt, H. Wienold, 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 576.

гически значимое различие двух близких по смыслу терминов становится наиболее очевидным в одном месте статьи Ф. Тённиса: “Будучи совокупностью (Gesamtheit) индивидов и семей – прежде всего тех, кто обладает частью гражданского богатства, то есть землей и капиталом как необходимыми средствами производства всякого рода благ, – оно по своей сущности есть совокупность (Samtschaft) преимущественно экономического характера”.

Непростым для перевода является и понятие “избирательной воли” (Kürwille). По смыслу термин “Kürwille” близок понятию “произвола” (Willkür), и его перевод как “произвольная воля” был бы, наверное, самым точным, если бы не представлял собой “масло масляное”²⁰. Поэтому мы присоединяемся к уже существующей версии перевода этого понятия²¹, которая основывается на этимологических корнях первой части слова “Kürwille”: на древневерхненемецком “Kuri” и на средневерхненемецком “Kür” означают “выбор”, “избрание”.

Перевод с немецкого и комментарии
А.Н. Малинкина

²⁰ В английском языке “der Kürwille” благополучно переводится как “the arbitrary will”.

²¹ Филиппов А.Ф. Тённис Фердинанд // Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 346.